

содеянного Потаниным — публицистом, этнографом, политиком, путешественником. Есть некий парадокс в естественности всех его ликов, в гармоничности прозрений и ошибок, всегда значительных и весомых. Быть может, “загадкой” он стал для нас — утративших представления о цельности и устремлённости человека, его ответственности перед собой. Энциклопедизм Потанина никогда не был “академическим”, он питался неистощимым интересом к человеку: от природных условий его обитания до политических институтов завтрашнего дня. Кропотливые и многотрудные мелочи, на которые “разменивался” Потанин, есть потребность первопроходца-одиночки, вникающего во все подробности бытия, ищущего точки соприкосновения в истории и политике. Его социальные идеалы нельзя считать наивными заблуждениями провинциала, они созвучны научным — на первый взгляд, далёким от жизни — построениям Потанина. Крах областничества был неизбежен в условиях террора и войны, но история областной идеи отнюдь не закончена. В новых условиях мечты Потанина о свободном, самостоятельном развитии сибирского общества вновь становятся притягательными и неожиданно актуальными.

Находясь всегда в гуще событий, в окружении единомышленников, Потанин всю жизнь оставался одиночкой. У него не было учителей в науке, он не оставил учеников. Открыв миру цивилизацию Центральной Азии, он чутко уловил самоценность восточных культур. В годы безраздельного господства европоцентристских настроений Потанин прозревает культурно-историческое единство Востока и Запада. Для восстановления справедливости он бросает на восточную чашу весов весь свой труд и талант и, в пику западникам, утверждает приоритет Востока. Он не был понят современниками. Этот скромный и застенчивый человек был великим упрямым, а его готовность к компромиссу никогда не переходила определённых границ. Всю жизнь он был чужим — и для официальной России, и для академической науки, для одних — подозрительный вольнодумец, для других — самоучка и фантазёр. Тем удивительней любовь к Потанину народа Сибири, всегда с благодарностью приемлющего заботу и слово, свободные от назидательного официоза.

Долгое кочевье Потанина по городам Сибири и просторам Азии завершилось в Томске. Горькой была его посмертная судьба в этом городе, обязанном славой “Сибирских Афин” Потанину и его сподвижникам. Томск — весь переименованный и во многом обезличенный — всё ещё живёт на проценты со старого капитала, хотя возлагает цветы к новым памятникам. В подлинной истории Сибири Потанин, конечно, займёт подобающее ему место, но сначала нам предстоит понять масштабы этой личности — без снисходительного превосходства “многознающих” потомков, без ложного пиетета и унылой однозначности классового подхода.

Б. Ф. Зобнин

О ГРИГОРИИ НИКОЛАЕВИЧЕ ПОТАНИНЕ. ВОСПОМИНАНИЯ

... Жаркий летний день 1920-го года. Полусонный, я выхожу во двор нашего дома. Там находятся моя мама и младший брат Женя. Все мы больны “испанкой”. Так называли тогда массовое заболевание, вызывавшее, наряду с другими проявлениями, тяжёлую сонливость. Отец не заболел. Он сейчас на похоронах Григория Николае-

вича Потанина. В прошлом году Григорий Николаевич, живший тогда в нашем доме, заболел и был помещён в университетскую клинику. И вот его не стало... На небо наплзли грозовые тучи. Раздалось несколько раскатистых ударов грома. Но ливень не пролился, упали только редкие тяжёлые дождевые капли. Так сибирская природа простилась с великим сибиряком...

Мои воспоминания о Григории Николаевиче Потанине связаны с городом Барнаулом, где я родился 25 апр./8 мая 1910 года и прожил с родителями до осени 1914 года. Последним местом жительства нашей семьи в Барнауле был дом № 120 на Сузунской улице. Мы жили на втором этаже этого дома. И однажды (я думаю, что это было в мае 1914 года), придя к нам, Григорий Николаевич подарил мне игрушку в виде красной пожарной телеги с бочкой на ней.

Следующий запомнившийся мне эпизод относится уже к Томску, в который наша семья переехала осенью 1914 года. Этот эпизод относится, вероятнее всего, к 1916 году. В то время Григорий Николаевич, потерявший еще в 1894 году своего многолетнего друга, жену и помощницу в путешествиях, Александру Викторовну Потанину, был вторично женат (как я потом узнал, брак был непродолжителен и несчастлив) на Марии Георгиевне Васильевой, сибирской поэтессе. Жили они на Дворянской улице (после установления советской власти в Сибири — улице Равенства, теперь — улица Гагарина). Помню посещение их квартиры нами, моими родителями, мною и моим братом Евгением. В квартире ощущался запах собак — любимиц Марии Георгиевны. Налево от передней был, видимо, кабинет Григория Николаевича, куда вместе с ним ушёл отец, а направо вместе с Марией Георгиевной направились остальные. Я помню, что хозяйка читала нам стихи, рефреном которых были слова “Она хохотала”. Представлялось, что автором этих стихов была М. Г.

Через много-много лет, слушая запись вокальных произведений в исполнении Ф. И. Шаляпина, я снова услышал в раскатах шаляпинского баса знакомые слова “Она хохотала”. На пластинке значилось: “Лишин. Она хохотала”. Лишин Григорий Андреевич — это композитор, чьи слова, не указано. Стихи принадлежат Аполону Николаевичу Майкову. Возможно, однако, и то (мне запомнился только рефрен), что текст является сочинённой М. Г. парافразой.

Ещё запомнился устный пересказ Г. Н. Потаниным народных сказок, в которых фигурировали некие дураки, носившие в решетах свет с улицы в дом, построенный ими без окон, и прыгавшие с крыши в штаны, чтобы их надеть. Было это, помнится, за обеденным столом в нашем доме и дополнялось тем, что рассказывала мне мама о необычайных способностях как рассказчика и замечательной памяти Григория Николаевича, которые проявлялись им всегда, не исключая и таких вот застольных бесед.

Приходится только удивляться тому, что за те месяцы, которые Г. Н. Потанин провёл в нашем доме (ул. Белинского, тогда № 56, теперь № 80) перед своей последней болезнью, мне не запомнилось ничего. Такова странная избирательность моей детской памяти! Сохранились только образы секретарей Григория Николаевича, постоянно — Натальи Петровны Карповой, жившей в полуторах кварталах от нашего дома, на углу улиц Белинского и Буткеевской (теперь Усова), и кратковременно работавшего секретарём Анатолия Ивановича Жилина. С последним мне приходилось встречаться и раньше (в г. Барнауле, где наши семьи были знакомы) и много позже в г. Свердловске,

где он стал профессором политехнического института и членом Академии строительства и архитектуры.

Г. И. Пелих

Г. И. ПОТАНИН О РОЛИ ОБЩИНЫ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

1. В исторической литературе о Потанине не учитывается, как правило, своеобразие его взглядов на общину. Потанина даже упрекают в противоречивости суждений по данной проблеме. При этом упускается из вида учение Г. Н. Потанина о трёх различных формах (стадиях) общинной организации. Дело в том, что, кроме земледельческой общины (“патриархальной общины” — по терминологии Потанина), Григорий Николаевич выделял еще две стадии “общинного быта”: “общину-область” и “общину-государство”. Естественно, если его высказывания по поводу двух последних форм общинной организации применять к первой её стадии — земледельческой общине, — должны возникнуть противоречия.

Исследование проблемы затруднено тем, что Григорий Николаевич не оставил специальной, обобщающей работы по этому вопросу. Его взгляды на общину рассеяны среди многотомных монографий, дневников, писем и заметок. Необходимо также учитывать, что Потанин не всегда мог свободно выражать свои мысли. Кроме того, ни он, ни другие областники не владели четкими дефинициями, что внесло дополнительную путаницу в трактовку данной проблемы.

2. Г. Н. Потанин исключал из сферы действия “законов истории” первобытную эпоху. По его мнению, у “дикарей” и “варваров” могли существовать лишь низшие формы социальных связей, подобно тому как “развивается социальная жизнь у однолетних (особенно у злаков), ... а многолетние (деревья, мхи) образуют целые социальные области ...” “Дикарей объединяют семейные, родовые, племенные, т. е. кровнородственные связи, которые носят, скорее, зоологический, чем социальный характер”.

Григорий Николаевич полон сочувствия к “дикарям” и “варварам”. Уважает их культуру и восхищается ее достижениями. Но убежден, что они не способны к сознательной социальной жизни, так как не могут создать земледельческую общину. Занимаясь охотой, скотоводством, мотыжным земледелием, нельзя выйти из дикого или варварского состояния. Социальная история человечества начинается с появлением высокопродуктивного (пашенного, ирригационного) земледелия. На его основе создается земледельческая община и начинается принципиально новый этап человеческой истории — эпоха цивилизации. Само понятие цивилизации ассоциируется у Потанина с наличием высших форм социальной жизни.

В дальнейшем основные вехи истории человечества совпадают, — по мнению Г. Н. Потанина, — со стадиями развития общинной организации.

3. Патриархальная община (т. е. сельская община) стоит у истоков цивилизации и прогресса. Она возникает у разных народов земного шара в различной форме, в зависимости от климата, демографических факторов, возможности внешних контактов и т. д. В дальнейшем процесс усложнения сельских общин идет неравномерно. Поэтому в одной и той же стране существуют одновременно разнорядковые формы общинной организации.